

Г. Р. НАУМОВА, А. Е. ШИКЛО

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением по классическому
университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 030401 «История»
направления подготовки 030400 «История»*

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2011

УДК 93/99:(470+571)(075.8)

ББК 63.3(2)я73

Н342

Авторы:

Г. Р. Наумова (гл. 1, 5, 6); А. Е. Шикло (гл. 2—4)

Рецензенты:

заведующий кафедрой правового обеспечения управленческой деятельности
Московского государственного института международных отношений
(университета), доктор исторических наук, доктор юридических наук,
профессор *Ю. К. Краснов*;
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Московского
педагогического государственного университета *М. Ю. Лачаева*

Наумова Г. Р.

Н342 Историография истории России : учеб. пособие для студ.
учреждений высш. проф. образования/ Г. Р. Наумова,
А. Е. Шикло. — 4-е изд., стер. — М. : Издательский центр
«Академия», 2011. — 480 с.

ISBN 978-5-7695-8334-6

В учебном пособии излагаются основные концепции отечественной истории, которые рассматриваются в тесной связи с развитием исторической мысли и исторических знаний, а также общественными и политическими условиями. В нем рассказывается об особенностях познания отечественной истории в Средние века, становлении исторической науки в XVIII в., формировании органической концепции истории Российского государства в XIX в., поиске новых подходов к изучению прошлого на рубеже XIX—XX вв., развитии советской исторической науки, а также отечественной науки на современном этапе.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История», профессиональных историков и всех, кто интересуется опытом осмысления отечественной истории.

УДК 93/99:(470+571)(075.8)

ББК 63.3(2)я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Наумова Г.Р., Шикло А.Е., 2008

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008

ISBN 978-5-7695-8334-6

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

Предмет историографии как специальной дисциплины. Современный уровень научного исторического знания — результат длительного процесса познания и осмысления прошлого. Овладение многовековым опытом изучения истории является одним из важнейших аспектов профессиональной подготовки историка.

Термин «историография» понимается двояко. Понятия «историограф» и «историк», «историография» и «история» в XVIII в. воспринимались как синонимы. Историографами называли Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, которые занимались «писанием истории, то есть историографией». Впоследствии значение данных терминов изменилось: под историографией стали понимать уже не историю в буквальном смысле этого слова, не науку о прошлом, а историю самой исторической науки. В дальнейшем так называли специальную историческую дисциплину, которая занималась изучением истории исторической науки.

Под историографией сегодня понимают исследования как по истории исторической науки в целом (изучение состояния и развития исторических знаний на его отдельных временных и пространственных этапах), так и исследования по истории разработки отдельных проблем, совокупность научных трудов, посвященных конкретной проблеме (так называемая проблемная историография).

Предмет историографии как исторической дисциплины складывался постепенно. Первые определения предмета историографии появились во второй половине XIX в. Они не были однозначны. Историки концентрировали внимание на обзорах исторической литературы, исторических источников, научных биографиях ученых. Галерея «портретов» ученых XVIII—XIX вв. была создана С. М. Соловьевым, К. Н. Бестужевым-Рюминым, В. О. Ключевским, П. Н. Милюковым и другими. В качестве предмета историографии рассматривались «ученые системы и теории». В конце XIX в. изучение не ограничивалось историческими сочинениями и историческими концепциями. В качестве предмета историографии стали рассматривать деятельность «учено-учебных» учреждений и практически всю сферу организации научных исследований, а также систему специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Примером может служить работа В. С. Иконникова.

В советской исторической науке к определению предмета историографии обращались крупнейшие специалисты по отечественной и всеобщей истории — О. Л. Ванштейн, Н. Л. Рубинштейн, Л. В. Черепнин, М. В. Нечкина, С. О. Шмидт, И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров, Е. Н. Городецкий, Б. Г. Могильницкий и другие. Продолжая традиции своих предшественников, они определяли предмет историографии как историю исторической науки, т. е. как процесс формирования и развития научного познания прошлого, выраженный в общих и конкретных исторических концепциях. Предмет историографии предполагает также изучение исторической науки как социального института, форм организации научной деятельности, особенностей распространения и функционирования исторических знаний.

Предмет историографии включает в себя не только научное познание прошлого, основанное на анализе источников, применении специальных научных методов исследования и теоретического осмысления прошлого, но и более широкий аспект исторического знания — историю исторической мысли, т. е. общие представления о мире, истории, сформулированные в философии истории, общественной, художественной сфере. Предмет историографии — история исторических знаний, которые не только обогащают представление о прошлом, но и являются наиболее распространенной формой исторического сознания общества, его отдельных групп. Функционирование исторических знаний в общественной практике сегодня является одним из важных аспектов историографического исследования.

Структура системы исторической науки. Содержание историографии постепенно расширялось. Система исторической науки включает в себя процесс формирования облика прошлого, выраженного в общих и конкретных концепциях (теория и методология, источниковая база, методы исследования, вспомогательные и специальные исторические дисциплины). Концепция — это система взглядов на исторические явления и процессы с позиций определенной теории познания, источниковой базы и методов изучения. Теория определяет предмет изучения, понимание характера исторического развития, факторы и силы, его определяющие. Она объясняет и раскрывает основной смысл исторического процесса. По мнению В. О. Ключевского, собственно развитие науки начинается с открытия «основного смысла, связавшего все ее главные явления». Теория воздействует на процесс познания — методологию, которая определяет принципы познания и является основой для использования метода. Различия в теории и методологии порождают различное понимание историками хода общественного развития, отдельных событий и явлений. Каждый из компонентов исторического знания развивается самостоятельно. Системообразующими компонентами явля-

ются теория и методология. Именно их изменение определяет движение науки.

Кроме того, в систему науки входят и социальные институты науки (научные исторические учреждения, подготовка кадров, формы распространения исторических знаний).

Историческое знание формируется в определенной общественной среде, определенном типе культуры, который характеризуется социально-экономическим, политическим, идеологическим состоянием общества, развитием философской, общественной, экономической мысли. Эти факторы влияют на состояние науки в тот или иной период времени. Историческая наука тесно связана с обществом, она служит звеном между прошлым, настоящим и будущим.

Процесс познания имеет поступательный характер. Историческое знание — сложный и многообразный процесс, он находится в постоянном движении; теории и гипотезы постоянно сменяют друг друга. Смена идей, концепций неизбежна, ибо каждая теория объясняет определенный круг явлений. Плюрализм в подходах был всегда, даже в советской историографии, в которой господствовала марксистская идеология. Сегодня плюрализм в подходах к изучению и осмыслению исторического прогресса стал нормой.

Историографический процесс предполагает накопление и преемственность знаний, непрерывный поиск истины. «Каждое новое поколение прикладывает свое к наследству отцов», — писал К. Н. Бестужев-Рюмин. Достигнутый результат является основой для последующего углубления знаний на базе новых подходов к познанию, фактов, методов. Поэтому важно проследить, как сохранялись традиции прошлого, что нашло развитие, а что было утеряно, к чему возвращались и возвращаются сегодня.

Оценка исторического знания. При оценке той или иной концепции, определении места историка в исторической науке первостепенное значение имеет выяснение того, что нового дала та или иная концепция с точки зрения теории и методологии, методов исследования, источниковой базы и конкретных выводов. Необходимо также оценить моральную сторону и практическую значимость концепции. Каково ее значение с точки зрения отражения запросов эпохи, использования тех или иных выводов для понимания конкретной исторической обстановки?

В марксистской исторической науке одним из определяющих принципов осмысления концепции, а следовательно, и значения историка, был принцип партийности. Современная историческая наука отказалась от него, и это справедливо. Однако следует иметь в виду, что история — наука общественная и историческое знание так или иначе выражает определенные социальные потребности общества и его отдельных социальных групп. Главное при рас-

смотрении любой концепции — понять историка, пройти вместе с ним тот путь, которым он шел к своим выводам.

Принципы и методы историографического изучения. При определении принципов исследования историографы исходят из объективного содержания историко-познавательного процесса, его многообразия, обусловленности внутренними и внешними факторами. Методы варьируют в зависимости от предмета конкретного исследования и исследовательской задачи. Каждый метод дает возможность раскрыть ту или иную сторону научно-познавательного процесса и в совокупности представить его как целостный процесс.

Одним из основных принципов является принцип историзма. Он подразумевает рассмотрение процесса познания в его развитии и изменении, в связи с характером эпохи, ее культурно-историческим типом, т. е. господствующим в ту или иную эпоху типом познания, наличия определенной совокупности познавательных средств (состояние теории и методологии). Ученые XIX в. отмечали: нельзя думать, что какая-нибудь философия, история (в смысле знания об истории) может выйти за пределы современного ей мира, так же как не может «перепрыгнуть» через свою эпоху тот или иной ученый. Принцип историзма имеет решающее значение при рассмотрении категориального и понятийного аппарата той или иной эпохи. Он является основой многих методов познания: историко-генетического, сравнительно-исторического, типологического, историко-системного. Современная наука при осуществлении исторического и историографического анализа обращается к междисциплинарным методам — культурологическому, науковедческому, психологическому, филологическому. И здесь особое значение имеют те принципы и методы исследования, которые дают возможность понять личность ученого, его познающее сознание, проникнуть в его внутренний мир, в лабораторию его исследований. Общеизвестным является субъективный характер самого исторического исследования, так как историк не просто воспроизводит факты, но и объясняет их. Это связано с тем индивидуальным, что присуще тому или иному ученому: его внутренним миром, характером, эрудицией, интуицией и т. п. Подчеркивается самоценность представлений историка, право его на собственное видение проблемы.

Формирование историографии как специальной дисциплины. Элементы историографии в сегодняшнем понимании этого слова возникли давно: уже древнерусские летописцы были в значительной степени историографами. В XVIII в., вместе с появлением исторической науки, историография становится ее составной частью, хотя еще долго не рассматривается как самостоятельная дисциплина. Таковой она стала с середины XIX в., когда определились четко ее предмет, задачи, значение, принципы изучения, а также классификация и периодизация исторических знаний. Становление исто-

риографии как особой отрасли исторической науки шло параллельно с развитием историографии как части учебного процесса.

С самого начала преподавания русской и всеобщей истории в курсы вводился историографический материал. Свой курс по истории и статистике Российского государства в 1810 г. М. Т. Каченовский начинал с критического разбора исторической литературы. Эту традицию продолжили С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский по русской истории, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, В. И. Герье, Р. Ю. Виппер по всеобщей истории. Во второй половине XIX в. в университетах России стали читать специальные курсы по историографии.

Свой вклад в развитие русской историографии внесли не только историки, но и юристы (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин), особенно в разработку теоретико-методологических проблем. В середине XIX в. сформировалась школа филологов и историков, занимавшаяся историей и литературой славянского и русского Средневековья (С. П. Шевырев, О. М. Бодянский, Н. С. Тихонравов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов).

Многочисленные труды, принадлежащие перу родоначальников историографии, являются классическими и в значительной мере сохраняют значение до сегодняшнего дня. Это серия «портретов» русских историков XVIII—XIX вв. С. М. Соловьева, Н. К. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского; монографии М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», В. С. Иконникова «Опыт русской историографии», П. Н. Милокова «Главные течения русской исторической мысли» и другие.

Ученые XIX в. представляли развитие исторических знаний как единый поступательный процесс, основанный на сохранении традиций и уважении к трудам предшественников, постоянно обогащающийся новыми подходами к изучению истории, постановкой и решением новых проблем, обусловленных как самим движением научного знания, так и потребностями общества.

Они включали в предмет исследования устные предания, историческую литературу начиная с первых летописных произведений. Были определены основные принципы историографического изучения, дана классификация исторической литературы, периодизация развития исторических знаний. Ученые выделили различия во взглядах на историческое прошлое, связанные с мировоззренческой и общественно-политической позицией ученого, ввели понятия «школа», «течение». Был поставлен вопрос об изучении деятельности научных учреждений, обществ.

Марксистское прочтение истории с ее приоритетом партийного принципа осмысления прошлого, в том числе и историографического наследия, привело к негативной оценке исторических концепций предшественников. Эта тенденция ассоцииру-

ется в первую очередь с именем М. Н. Покровского, который отрицал преемственность в развитии исторической науки в целом. На марксистскую историографию большое влияние оказали Г. В. Плеханов и П. Н. Миллюков. Советские историографы сохранили и развили традиции в определении предмета, задач истории исторической науки, соглашались со многими оценками деятельности ученых XIX в. В 1930-е гг. было положено начало публикации исторических произведений крупнейших отечественных историков.

Большое влияние на развитие историографии оказали возобновление чтения в университетах курса историографии по отечественной и всеобщей истории и выход первого советского учебного пособия — «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна, в котором освещалось развитие исторических знаний в России с древнейших времен до начала XX в.

Проблемами историографии в 1940—1950-е гг. успешно занимался Л. В. Черепнин, опубликовавший в 1957 г. курс лекций «Русская историография до XIX в.» и первую в отечественной историографии работу «Исторические взгляды классиков русской литературы».

В последующие годы изучение проблем историографии было продолжено рядом исследователей. Работу по изучению истории исторической науки возглавил сектор историографии в Институте истории СССР под руководством М. В. Нечкиной. Им были подготовлены и изданы три тома «Очерков по истории исторической науки в СССР» по досоветской историографии (1955—1963) и два тома по истории исторической науки советского периода (1966, 1984). Появились и новые общие курсы по историографии: «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева (1961); курс лекций А. М. Сахарова «Историография истории СССР. Досоветский период» (1978); А. Л. Шапира «Историография с древнейших времен до 1917 г.» (1993). Кроме того, в 1960—1980-е гг. издавались монографические исследования.

Значительно меньшей группой учебников и исследований представлена историография XX в. В 1966 г. вышло учебное пособие В. Н. Котова «Историография истории СССР (1917—1934)»; в 1982 г. — учебное пособие Л. В. Волкова, В. А. Муравьева «Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 1930-х—конец 1950-х гг.)», а также упомянутые ранее два тома «Очерков по истории исторической науки в СССР». Практически единственным учебником по советской историографии являлся учебник под редакцией И. И. Минца «Историография истории СССР. Эпоха социализма» (1982).

Для характеристики особенностей отечественной исторической науки, в том числе и при изучении традиций исследования российской историографии, большое значение имеют исследования и учебные пособия, посвященные опыту изучения историографии смежных исторических дисциплин: «История советской медиэвистики» О.Л. Ванштейна (1966), «Историография Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки» под редакцией И.С. Галкина (1968), «Историография Средних веков» Е.А. Косминского (1963), «Советское византиеведение за 50 лет» З.В. Удальцовой (1969) — и, конечно, современные учебники историографии по тем или иным периодам всеобщей истории.

Значение историографии. Концентрируя в себе знания о прошлом, историография выполняет познавательную функцию в системе исторической науки. Она дает возможность воспользоваться накопленным опытом, «сберечь исследовательские силы», выбрать оптимальные пути решения стоящих перед ней задач. Осмысление прошлого и настоящего исторической науки предоставляет информацию для определения перспектив ее развития, совершенствования форм организации научных исследований, формирования источниковой базы, подготовки кадров специалистов-историков и т. п.

Историография играет большую роль в определении задач исследования, его источниковой базы, методологии и методов. Знание предшествующего исторического опыта очень важно при интерпретации фактов, подведении их под те или иные понятия и категории.

Историография является связующим звеном между исторической наукой и общественной практикой. Она выявляет «социальный заказ» общества на научное знание и роль этого знания в решении проблем современности.

Историографическая практика — один из способов установления истинности исторического знания. Она выявляет, что в процессе изучения прошлого составило органическую, неотъемлемую часть научных представлений о сущности изучаемых явлений, какие выводы ограничены, относительны, что подтверждено последующими исследованиями, что отвергнуто и т. п., а также устанавливает приоритет того или иного ученого в выдвижении новых идей, в осмыслении исторического процесса.

Знание истории своей науки совершенствует профессионализм ученого-историка, повышает его общий культурный уровень, формирует бережное отношение ко всему, что сделано на пути познания прошлого, воспитывает уважение к предшествующим поколениям историков и своим современникам.

В постперестроечное время изучение истории исторической науки приобрело особое значение. Это было обусловлено рядом факторов: потребностью в разработке теоретико-методологических

вопросов исторической науки как в связи с новым отношением к марксизму, так и с постановкой новых проблем и пересмотром старых; с определением содержания понятийного и категориального аппарата; с появившейся возможностью более глубокого изучения опыта философской и исторической мысли России XIX—начала XX в. и зарубежной историографии XX в.; с широкой публикацией исторического наследия предшествующих эпох; с развитием исторической публицистики. Изменились формы организации исторических исследований, нуждается в тщательном анализе и опыт подготовки кадров историков.

Этим определяется и значение историографии как учебной дисциплины.

В последнее время делаются попытки по-новому взглянуть на историю исторической науки, что находит отражение и в учебной литературе. Среди учебных пособий — «Историография истории России до 1917 года» под редакцией М. Ю. Лачаевой (2003). Советская историография в отдельных ее фрагментах представлена в сборнике статей «Советская историография» под редакцией Ю. Н. Афанасьева (1996). Заслуживает внимания учебное пособие Н. Г. Самариной «Отечественная историческая наука в советскую эпоху» (2002). Первой попыткой осмыслить историографию 1980—1990-х гг. была работа Е. Б. Заболотного и В. Д. Камынина «Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия» (1999).

Возросший интерес к истории исторических знаний во всех его проявлениях является характерной чертой современности. Происходящие изменения в исторической науке обращают внимание ученых на более глубокое изучение природы и целей историко-познавательного процесса, на существовавших и существующих представлениях о прошлом. Но сегодня еще не до конца преодолен привычный для многих историографов стереотип, в соответствии с которым принципы подхода к изучению истории исторической науки советского общества коренным образом отличаются от подходов к изучению досоветской историографии. Данная работа является первой попыткой создания единого учебника по курсу историографии, в котором были бы в системе представлены все этапы постижения отечественной истории.

Курс строится по хронологическому порядку. Состояние науки на том или ином этапе ее развития представляется со всеми образующими ее содержание компонентами.

ПОЗНАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Постижение истории России началось давно и продолжается практически столько же времени, сколько существует само Российское государство. Естественно, что за минувшее тысячелетие подходы, характер, формы и методы этого изучения изменялись.

Изучение и написание истории отечества изначально носили прагматический характер. В событиях прошлого искали примеры для подражания, ссылаясь на исторические прецеденты пытались утвердить претензии правителей, права властителей на территории, обращение к образам героев и подвижников прошлого было призвано служить воспитательным целям.

Развитие историографии всегда находилось в тесной связи с философскими представлениями соответствующего времени об окружающем мире, о характере отношений в обществе. Естественно, что становление отечественной историографии происходило в рамках средневековых представлений о мире и, в свою очередь, определялось этими воззрениями. Причем направления и характер становления русской исторической школы в своих существенных, определяющих чертах не отличались от становления других европейских национальных школ.

Средневековые исторические представления отличает существенная общая черта: исторические события освещались авторами с позиций провиденциализма, т.е. божественного предначертания, а человеческие поступки и исторические события и явления объяснялись вмешательством провидения в человеческие дела. Божья воля, будучи высшей силой, в соответствии с представлениями того времени не может быть познана ограниченным земным разумом, а лишь должна быть принята человеком как должное.

Известный специалист в области теории познания М.А. Барг считал, что «стержневой, пронизывающей средневековый историзм идеей является догмат о *провиденциальной обусловленности*

(выделено автором цит.) направления движения истории, ее конечной цели, основных ее этапов, смысла и значения каждого из них. Творение — грехопадение — искупление — грядущее «второе пришествие Христа» — вот те провиденциальные узлы, связывающие воедино цепь времен. В средневековом видении истории они суть моменты *непосредственного вторжения в человеческую историю* сил вне- и надисторических»¹. Вместе с тем исследователь полагал, что такое восприятие истории было значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим временем. Такая позиция определялась убеждением в том, что только в одном случае, в начале времен, выбор был оставлен человеку, и он проявил свою волю и совершил грехопадение. Но именно поэтому во всех других случаях решение его исторических судеб принадлежало только Всевышнему. Тем самым христианский историзм освободил человеческий ум от власти колоссальных планетарных движений, которым он был подчинен в Античную эпоху, фиксируя его внимание на строго ограниченном ареале как во времени, так и в пространстве.

Русская историческая школа прошла этим общим путем; мы можем наблюдать развитие таких взглядов: на ранних этапах становления государственности у восточных славян исторические события объяснялись деятельностью божеств языческого пантеона, а позднее, с распространением христианства, — волей Господа.

Уже в древнейших дошедших до нашего времени свидетельствах о представлениях, мифологии древних славян можно почерпнуть мысль о том, что духовный космос, русский, славянский порядок установлены божественными силами и поддерживаются людьми, исходившими из убеждения, что в хаосе им будет плохо, так как в нем неизбежно восторжествуют злые, своекорыстные силы, которые будут стремиться превратить простодушных славян в послушное орудие реализации своих порочных прихотей.

Мы точно не знаем, что собой представляли древнейшие формы накопления знаний о прошлом (вероятно, в форме преданий и культов, через посредство которых передавался исторический опыт от одних поколений к другим), однако известно, что уже ко времени образования Киевской Руси сложился цикл народно-исторических былин и песен, в которых причудливо соединялись реальность и вымысел, представления об окружающем мире. Академик Б. Д. Греков писал, что «в легендах могут быть зерна истинной правды», и отмечал, что уже в древних русских мифах просматривался патриотический системный подход, получивший в позднейшие времена развитие в трудах ученых отечественных философских и исторических школ.

¹ Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М., 1987. — С. 154.

Представляется, что в данном случае можно апеллировать к мнению не профессионального историка, а выдающегося писателя А. Н. Толстого, который много работал с историческими документами и материалами и которому в его произведениях не раз приходилось с большой художественной силой реконструировать прошлое нашей страны. Он уже в XX в. писал: «Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, — говорившиеся нараспев, под звон струн, — о славных подвигах богатырей, защитников земли народа — героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанную с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов»¹.

Средневековый человек жил в исключительно усложненном мире, включавшем в единую цепь данные опыта и плоды необузданной фантазии. Универсум как бы удваивался и утраивался, за вещами скрывались незримые «значения», за явлениями — действия множества «сил», за словами — различия «смыслов». Сложной была нумерология (наука о мистическом значении чисел); за многими из них признавалось оккультное влияние на судьбы человека. И над всем этим хаосом господствовала страсть к систематизации: оккультные «свойства» небесных светил, камней, растений, животных. За этими спекуляциями стоял фундаментальный факт — переход от философских к религиозным основаниям теории познания.

Итак, для средневекового мышления характерны были искажения не истины, а «истин»; ему было чуждо противопоставление типа «или — или», для него все значения одновременно истинны. Естественно, что подобный принцип был реализуем только путем иерархического подчинения истин: значение более высокого уровня включает и освящает значение «менее глубокое», исходное, лежащее ближе к поверхности.

Сама Библия рассматривалась как имеющая скорлупу, покрывающую ядро истины. Удаляя бесполезную оболочку, шелуху, методы символизма позволяют добраться до сути, сердцевины. Причем теория библейской экзегезы применялась в Средние века и к светской литературе.

В теологии XII—XIII вв. господствовало убеждение, что указанные методы позволяют христианину «с пользой» читать и языче-

¹ Русский фольклор. Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и присловья. — М., 1985. — С. 3.

ские сочинения. Считалось, что с помощью аллегорий, числовых символов, этимологии можно и в них обнаружить христианскую истину, хотя и не предполагавшуюся их авторами, но открывавшуюся христианину, вдохновленному Святым Духом.

Для восприятия всех этих значений читатель (или слушатель) средневекового текста должен был как минимум знать Библию, христианскую доктрину и традицию истолкования. Что же касалось автора интерпретируемого таким образом сочинения, то дело не в том, что он намеревался сказать, а в том, что «обнаруживалось» интерпретатором с помощью символической экзогеzy в его сочинении. То обстоятельство, что все написанное должно иметь какой-то высший (скрытый) смысл и этот смысл должен согласовываться с христианской доктриной, соответствовало самой природе средневекового миропонимания.

1.1. Формирование основных форм исторических сочинений

Огромное значение для накопления знаний, в том числе и знаний исторических, имело появление письменности. Кроме того, что этим укреплялась историческая связь поколений, появление письменности встроило Древнюю Русь в мировую культурную традицию, и в первую очередь — в традицию византийскую.

Именно тогда на Русь начали проникать переводные сочинения, подобные «Хроникам» Иоанна Малалы, Георгия Амартола, знакомившие читателей с событиями Священной истории, с основными моментами из истории Древней Греции, Рима, стран Востока. Следы этих сочинений обнаруживаются во многих средневековых исторических текстах. Нельзя игнорировать и такие общеславянские памятники христианской культуры, как «Шестоднев» Иоанна — болгарского экзарха, «Изборник» Симеона, апокрифические произведения, подобные «Сказанию о письменах» Черноризца Храбра.

Уже на ранних этапах складывания Древнерусского государства появляются первые исторические сочинения. Историки с полным основанием предполагают, что огромное количество этих сочинений до нашего времени не дошло, они исчезли в годы бурных событий русского Средневековья. Большинство из дошедших до нашего времени исторических текстов известны современным исследователям в списках более позднего времени. Академик М. Н. Тихомиров писал, что в сущности мы имеем лишь остатки светской русской литературы XI—XIII вв. Однако именно характерные черты складывавшихся уже на ранних этапах существования Киевской Руси традиций письменности на столетия

вперед определили основные направления русской исторической мысли.

Итак, при всем разнообразии форм интеллектуальной жизни русского общества того времени общая картина мира и логика событий в самой Руси выстраивались авторами, известными и безымянными, с позиций интеллектуальных требований христианской религии. Провиденциалистское понимание прошлого характерно для русского общества, впрочем, как и любого другого в эпоху Средневековья.

Вместе с распространением христианства в общественном сознании европейских народов актуализировалось измерение человеческого существования мерой будущего, которая в античном историзме была всегда лишь преддверием возврата к прошлому и поэтому познавателью оставалась аморфной. Одним словом, осмысление любого звена в цепи истории требовало рассмотрения последней из конца в конец. При этом следует помнить, что во всех случаях речь шла всего лишь о «связях» сверхъестественных, реализующихся чудесным образом волей Всевышнего, т.е. об истории священной, а не о связях реально исторических, предметных.

Таким образом, в характерном для общественного сознания средневековым историческом «всеведении» проявлялся мистический характер христианской картины истории человечества. Но именно в том, что Священная история являлась системой готового знания, т.е. формой выражения христианского символа веры, заключалось объяснение поразительной устойчивости заложенной в ней объяснительной схемы.

По мере прироста исторических фактов, накопления исторических знаний, увеличения количества точек зрения на исторические события и явления наращивался и объем историографических знаний. По мере увеличения количества культурных центров, создания новых исторических сочинений, оживления политической борьбы и, следовательно, споров различных, говоря современным языком, «политологических школ», отстаивавших политические претензии того или иного княжества, города, увеличивалось и количество «исторических школ», защищавших эти права. Условное понятие «школа» применяется здесь не в методологическом, а в организационном и географическом смысле, ибо сама методология, скажем, летописания была практически идентична в различных княжествах.

Следует иметь в виду, что средневековая историческая идея оформлялась в уникальных памятниках богословской мысли. Важнейшим памятником такой мысли было, в частности, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. «Слово...» является одним из наиболее ранних дошедших до нашего времени сочинений, авторство которого можно считать полностью установлен-

ным. «Слово...» было впервые произнесено 26 марта 1049 г. Это произведение — очень талантливая попытка осознать место своей страны, своего народа в ряду других стран и народов. Первое литературное произведение нового нарождающегося государства даже сейчас поражает своей образностью, силой и заставляет задуматься о судьбах России.

Иларион стал первым русским по национальности митрополитом (1051—1054), который занял митрополичью кафедру усилиями Ярослава Мудрого (до этого митрополитами в Киеве ставили греков, присылаемых из Византии). По летописным данным, Иларион происходил из богатого знатного рода. О его жизни известно мало. Летописная характеристика коротка, но емка: «муж благ, книжник и постник». Он занимал высокое положение в высших кругах общества.

Время написания «Слова...» датируется периодом между 1037 и 1050 гг. Иларион написал его еще тогда, когда был священником в церкви святых Апостолов в селе Берестове. О степени влияния «Слова...» на средневековую русскую мысль говорит тот факт, что сохранилось более чем 50 списков, относящихся к XV—XVI вв. Отдельные части «Слова...» включались в другие сочинения анонимно. И это только подтверждает значительную силу влияния идей Илариона, а также выход их значения далеко за рамки его времени.

«Слово о Законе и Благодати» не только важнейший памятник древней отечественной богословской мысли, но и первый дошедший до нас историософский и политический трактат Древней Руси. В «Слове...» история различных народов, в том числе и русская история, рассматривалась автором как история прогресса, в основе которого лежит процесс приобщения народов к христианству. «Все страны, и грады, и люди чтут и славят каждый их учителя, что научил их православной вере». Смысл существования народа, по мнению Илариона, — познать себя, свою задачу перед Богом. В этом и состоит духовно-нравственный смысл всей истории.

С особой силой оптимизм проявляется, когда речь идет о «народе русском», «русской земле». Русские князья занимают в известном автору мире почетное место, «ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»¹. Высокий статус Руси в христианском мире Иларион связывал с верховной властью великого князя, кагана, русского самодержца. Он подчеркивал достоинство и славу русской земли и княжеской династии, ответственность князя за управление землей и поддержание мира.

С древнейших времен и на протяжении нескольких веков наиболее распространенной формой исторических сочинений на Руси

¹ Повести Древней Руси. — М., 2002. — С. 31.

становятся летописи, т.е. погодные («по летам») записи о событиях. Большой интерес представляет проблема источников, на основе которых они составлялись, принципы, в соответствии с которыми отбирались материалы, и позиции, с которых они истолковывались.

Именно это обстоятельство дало основание М.О.Кояловичу выделить в составе летописей «вставочные статьи», повторяющиеся систематически и превращающие летописи в сборники. Среди них:

- Договор Олега с греками;
- Договор Игоря с греками;
- Смерть Феодора и Иоанна, варягов;
- Убиение Бориса и Глеба и перенесение их мощей;
- Житие Александра Невского;
- Убиение Михаила, князя Черниговского;
- Убиение Михаила Ярославича Тверского;
- Рукописание и Завещание Магнуса, короля Свейского («не нападать на Русь», 1352);
- Падение Новгорода;
- Падение Пскова;
- Русская Правда;
- Судебник царя Константина;
- Устав Владимира;
- Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Феодору о земном рае;
- Мамаево побоище;
- О взятии Москвы Тохтамышем;
- Житие Димитрия Донского;
- Житие преподобного Сергия Радонежского;
- О Стефане Пермском;
- Житие Варлаама Хутынского;
- Житие Никона, ученика Сергия;
- Завещание митрополита Фотия;
- Повесть об осьмом соборе Флорентийском;
- Послание Вассиана Иоанну III на Угру;
- О взятии Смоленска;
- О смерти Василия Иоанновича;
- О казанских походах;
- Хождение в Индию Афанасия тверитина (около половины XV в.);
- Зачало Константина града;
- Взятие Константина града турками;
- Начало литовских государей;
- О молдавских государях;
- Царство Сербское и Болгарское;
- О смерти митрополита Алексия и о Митяе;
- О низложении и заточении митрополита Исидора;

- О приходе Ахмата;
- Об иконе Владимирской;
- Новгородский литовский собор 1415—1416 гг.

Быстро сложилась практика, в соответствии с которой часть летописного текста заимствовалась составителем из более ранних источников (зачастую изложение велось от сотворения мира), однако часть описываемых событий, как правило, для историка наиболее ценная, содержала информацию о событиях, современником которых был сам летописец. Часто составителем сводились различные летописные рассказы, тогда летопись получала вид сборника, «свода». И хотя в этих летописях и сводах речь шла чаще всего об одних и тех же событиях, при внимательном изучении списков даже одной и той же летописной группы обнаруживалось разнообразие текста, нередко с явными признаками научной обработки его по разным спискам.

Создание летописей было важным государственным делом. Их заказчиками были князья или церковные иерархи; центры летописания находились чаще всего при княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, монастырях.

Русские летописи еще в древности имели важное значение, как частное, так и общественное. Частное значение они имели для князей и дружинников как главных участников событий, описываемых в летописи; как отмечал М. О. Коялович, летописи имели нравственное значение не только для частных лиц или родов, но для всего русского общества. Общественное же значение летописей сказывалось в том, что решение многих официальных споров происходило с помощью ссылок на летописные сведения, которые признавались важнейшим критерием истинности происшедшего.

Вместе с тем в летописях можно обнаружить напластования различных периодов. В нашей стране сложились школы источниковедов (А. А. Шахматов, Н. П. Лихачев, М. Д. Приселков и др.), представители которых успешно занимались реконструкцией этих первоначальных, как правило не сохранившихся, текстов. Историками давно было замечено, что в летописях нередко обнаруживаются различные авторы как лица, несомненно, разных взглядов¹. Это очень важное наблюдение, позволяющее предположить, что уже на ранних этапах развития отечественной историографии даже в рамках единого, господствующего мировоззрения можно говорить о существовании различных мнений по конкретным историческим поводам.

Современные исследователи считают, что желание понять смысл и первоосновы судьбы русской земли, ее особенности, место во всемирной истории было присуще уже летописцам. Упорно

¹ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — 4-е изд. — Минск, 1997. — С. 48—49, 54.

искали ответы на эти вопросы поколения историков. В их среде — сторонники различных методологических приоритетов, мировоззренческих ориентиров и нравственных устремлений. При всем многообразии подходов и трактовок они выражали и то общее, что позволяет нам рассматривать их труды в рамках единой учебной дисциплины — историографии отечественной истории¹.

Древнейшим из дошедших до нашего времени летописных сводов является «Повесть временных лет», составленная в начале XII в. (ок. 1110—1113 гг.) монахом Киево-Печерского монастыря Нестором на базе нескольких, предположительно киевских и новгородских, сводов XI в. Текст свода уже вскоре после создания был подвергнут переработке игуменом киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром (1116), а затем и другими летописцами и явился, таким образом, сложным по составу памятником коллективного исторического творчества.

Отличительной чертой «Повести временных лет» является то, что в ней содержатся сведения не только по истории Новгорода и Киева, но и ряда других русских земель, и поэтому «Повесть временных лет» можно рассматривать уже как общероссийский свод. Через весь рассказ проходит идея единства русской земли; сила государства прямо связывалась с необходимостью единения. Идеалом государственного деятеля предстает Владимир Мономах, которому удалось объединить князей вокруг киевского великокняжеского престола для борьбы с половцами.

«Повесть временных лет» охватывает историю человечества от потопа и до начала XII в.; она и начинается со слов: «Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля».

Вместе с тем в текст «Повести временных лет» включены не только собственно летописные рассказы, но и сведения, почерпнутые из некоторых авторских сочинений. В частности, в «Повесть временных лет» включено «Поучение» Владимира Мономаха, автобиографическое назидательное произведение, обращенное к детям. Владимир учит своих детей, что если кто молвит, что «Бога люблю, а брата своего не люблю — ложь это... Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому...», и продолжает: «Договоримся и помиримся, а брату моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а русскую землю не погубим». Русская летопись и русская жизнь были связаны самым прочным образом, что отразилось в простом и доступном литературном языке.

«Повесть временных лет» стала первой летописью Киевского княжеского дома; летописец впервые осмыслил русскую историю

¹ Историография истории России до 1917 года: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. — М., 2003. — Т. 1. — С. 5.

с точки зрения единства земли и княжеского рода и вывел Русь на мировую историческую арену. Это — первая полная народная история Руси, на которой воспитывались многие поколения русских людей.

Излюбленным чтением на Руси в течение многих веков были жития святых.

С принятием христианства Русь познакомилась с обширным кругом житий, пришедших из Византии. Среди них особым почитанием и популярностью пользовались повествования о чудесах, творимых Николаем Мирликийским и Георгием Победоносцем, жития Дмитрия Солунского и Марии Египетской. Уже во второй половине XI в. появляются и первые жития русских святых — Антония Печерского (до нашего времени не сохранилось), Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. Таким образом, на отечественной почве родился один из самых любимых русским народом жанров — агиография.

И сегодня поражает литературное мастерство агиографов, которые спустя всего несколько десятилетий после возникновения славянской письменности смогли создать такие великолепные произведения. Глубоко эмоциональны монологи из «Жития Бориса и Глеба», подкупает психологизмом и яркими деталями повествование о святом Феодосии. Авторы житий, как правило, не ограничивались изложением биографий своих персонажей, богословской стороной жизни, но связывали их судьбы с судьбами родины. «...Блаженные страстотерпцы Христовы, — говорится, например, уже в житии Бориса и Глеба, — не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Также и в молитвах всегда молитесь за нас... Вам дана благодать, молитесь за нас, вас ведь Бог поставил перед собой заступниками и ходатаями за нас. Потому и прибегаем к вам... да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас, пусть никакая пагуба не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и междоусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас...». Большой интерес для историка представляют жития Ольги, Владимира, Мстислава Владимировича, а также местных святых: Авраамия Смоленского, Евфросинии Полоцкой.

Среди памятников церковной литературы XI—XIII вв. выделяется своим сложным содержанием Киево-Печерский патерик. Патерик (от греч. *pater* — отец) — сборник слов, поучений и рассказов о духовных отцах, в данном случае о монахах Киево-Печерского монастыря. Этот сложный по составу сборник содержит много указаний на события, которые отсутствуют в других исторических источниках. В нем содержатся интересные известия об экономике и культуре Киевской Руси. В этом литературном памятнике видно, что древнерусские писатели в совершенстве владели искусством

высокого слога, исполненного символов, метафор, постоянных обращений к Священному Писанию или святоотеческим текстам. Киево-Печерский патерик восхищал еще А. С. Пушкина «прелестью простоты и вымысла».

Значительное распространение на Руси имели апокрифы («отреченные», т. е. «запрещенные», книги). Это произведения, написанные на сюжеты Ветхого и Нового Заветов, но не вошедшие в канонический текст Библии, признанные церковью «ложными» и запрещенные для чтения. Ветхозаветные апокрифы были созданы, как правило, в среде позднего иудейства на еврейском и арамейском языках. Новозаветные апокрифы, повествующие о жизни Богородицы, Христа, апостолов, сохранились в переводах на греческом, латинском, славянском, армянском и некоторых других языках. Причем они не переписывались механически, а перерабатывались, дополнялись, так что нередко создавались практически новые сочинения, лишь отдаленно напоминающие оригинал. Занимательные по форме и содержанию, наполненные фантастическими подробностями, апокрифы долго были любимым чтением и древнерусских книжников, и простого люда.

Поразительным и окутанным множеством тайн является выдающийся литературно-исторический памятник, относящийся, по мнению большинства исследователей, к концу XII в., «Слово о полку Игореве», посвященное неудачному походу Игоря Святославича на половцев в 1185 г. «Слово», как дает нам понять неизвестный автор, — исторический труд, написанный «не по обычаю Боянову», а «по былям нашего времени». Б. А. Рыбаков считал, что автор в тексте прямо отрекается от Бояна, любимца Олега, имея свое мнение о его литературных приемах. Он также не скрывает своего отрицательного отношения и к самому Олегу, хотя Игорь был его внуком¹. Это уже можно рассматривать как самостоятельную позицию историографа, который критически анализирует источники, находящиеся в его распоряжении.

Одна из основных мыслей автора «Слова о полку Игореве» — необходимость единения Руси в борьбе с внешними врагами. Он напоминает, что ранее, при Олеге Гориславиче, «заседалось и прорастало междоусобицами, гибло достояние Дажь-Божьих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля...»². «Затихла борьба князей с поганами, ибо сказал брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую», «из-за

¹ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М., 1991. — С. 148—149.

² Повести Древней Руси. — С. 303.

усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой»¹. Не усвоили русские уроков истории, и вот теперь Игорь снова один пошел в поход, и русские воины «полегли за землю русскую»; «черная земля под копытами костью засеяна, а кровью полита; горем взошли они на Русской земле»². Этот памятник — блестящее сочетание точности исторического мышления автора, его глубоко патриотической позиции, выраженных в совершенной поэтической форме. Такой сплав стал одной из важнейших черт русской исторической литературы на протяжении многих веков.

Современная историческая наука в лице многих ее талантливых представителей высоко ставит значение в исторических исследованиях субъективно-индивидуальных факторов. Речь идет о месте в исследовании эстетического восприятия исторической реальности. По мнению академика И. Д. Ковальченко, эстетическое восприятие — это чувственно-конкретное, эмоциональное, а потому и личностное отношение к действительности. Поэтому эмоциональный компонент присутствует в любой науке, в том числе и в исторической. Бесстрастное историческое повествование свидетельствует о духовной бедности автора. «При изучении прошлого, — пишет исследователь, — историк глубоко вживается не только в чувства исторических персонажей, но и во всю изучаемую им реальность, в историческую эпоху в целом в сочетании ее объективных и субъективных сторон, в единстве единичного, особенного и общего»³. Представляется, что «вживание» и «сопереживание» выступают как компоненты и приемы научного воображения, которое основывается на объективной реальности. Эти черты в полной мере были присущи древней русской исторической литературе во все периоды.

Эта литература, с ее особенностями, оказала влияние на творчество историков гораздо более позднего времени; достаточно вспомнить совершенную художественную форму исторических сочинений Н. М. Карамзина, Д. И. Иловайского, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского.

С началом феодальной раздробленности летописание продолжалось. Оно все в большей мере начинает зависеть от местных традиций. С ростом и развитием новых политических, экономических и культурных центров в них появляется свое летописание. Теперь помимо Киева и Новгорода летописание стало вестись во Владимире, Рязани, Чернигове, Галиче, Ростове, Полоцке, Смоленске и других городах. Однако «Повесть временных лет» по-прежнему часто включалась в ткань многих из этих сочинений, что подтверждает ее общерусское значение.

¹ Повести Древней Руси. — С. 307.

² Там же. — С. 303, 307, 312.

³ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 2003. — С. 271—272.

Важной чертой русских летописей было то, что их составители рассматривали историю «своего» княжества в качестве составной части общерусского исторического процесса, а историю Руси — как включенную в общемировой исторический процесс. Отсюда и стремление начать «свою» летопись с основания Киева (или даже от Сотворения мира). И в то же время основное внимание летописцев уделялось местной истории. При этом, как правило, ранние погодные записи кратки и информативны, однако, как только летописец приближается к современному ему периоду, сухое изложение сменяется поэтическими рассказами о важнейших, с его точки зрения, событиях отечественной истории.

В XII—XIII вв. получили распространение новые формы летописания. К прежним его разновидностям добавились личные и родовые летописи князей, летописные повести и т.д. В них уже наблюдался отход от простой регистрации событий, повествование начало окрашиваться местным колоритом и индивидуальным авторским видением событий. Так, Кирилл Туровский (XII в.) различал историков двух типов: летописцев-бытописателей, воплощавших исторические события в форме хронологически последовательного изложения, и песнотворцев, или витий, преподносящих те же события в устной, поэтически образной форме, прославляющих героев прошлого. «Якоже истории (историци) и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приклоняют своя слухы в бывшая между царей рати и ополчения (прислушиваются к происходившим между царями ратям и ополчениям), да украсят словесы слышащая и возвеличать крепко (храбровавшая и) мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчают...» (с тем, чтобы разукрасить средствами художественного слова услышанное и возвеличить и увенчать похвалами тех, кто храбро сражался за своего царя и не дался в сражении врагу)¹.

Если изначально составителями летописей были в основном монахи, то теперь их составлением стали заниматься также люди, близкие к княжескому двору и принимавшие достаточно активное участие в описываемых событиях. Это, с одной стороны, положительно сказывалось на информированности летописцев, а с другой — усиливало их ангажированность, так как факты и события подавались ими с тенденцией представить в максимально благоприятном свете «своего» повелителя. Это было в определенной степени оборотной стороной усиления личностного фактора в летописях.

Помимо летописей стали появляться и сочинения, посвященные одному или нескольким связанным между собой событиям

¹ Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в.: курс лекций. — М., 1957. — С. 53.

(сказания, повести, слова). Они уже не содержали последовательного описания ряда событий, а были посвящены какой-то теме или одному историческому персонажу. К этим сочинениям по характеру примыкали и жития, составление которых активно продолжалось.

«Житие Александра Невского» было составлено во второй половине XIII в., вскоре после смерти князя (ум. 1263 г.). Предполагают, что написано оно было кем-то из его дружинников, а затем переработано одним из церковных писателей. Отсюда и сложный состав документа: в нем элементы чисто светской, воинской повести сочетаются с чертами жития святых. И называли его по-разному: кроме «жития» иногда также «повестью» или «словом». Основная идея произведения — необходимость сильной власти для страны. Автор стремится дать целостное жизнеописание Александра Невского, отразив основные моменты его биографии. Александр Невский прославляется как князь и воин. Кроме того, в житии много внимания уделено описанию русской земли, ее просторов и богатств. Автор стремится показать даже и международное значение Руси. В качестве введения использовано «Слово о гибели русской земли».

«Слово о гибели русской земли» (первая половина XIII в.) продолжало традиции «Слова о полку Игореве» и в качестве основной идеи содержало призыв к князьям объединиться перед лицом внешних врагов (накануне и в период нашествия монголов). Также в нем заметен интерес к истории и географии Руси, в частности имеются интересные сведения о соседях Северо-Восточной Руси, где это произведение и возникло.

Именно в период Киевской Руси оформляется комплекс восточно-славянского фольклора. Устное народное творчество, существовавшее с незапамятных времен, в IX—XIII вв. получает свое высшее художественное выражение. Самое ценное, что было создано народным творчеством раннего периода отечественной истории, — это былевой эпос (о Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Микуле Селяниновиче и др.). Народное творчество создавало также сказки, загадки и пословицы, поговорки и присловья, игры, гадания и т. д. Все это передавалось изустно, прочно сохраняясь в народной памяти, и благодаря этому многое было записано исследователями уже в XVIII—XX вв.

Таким образом, в Древней Руси была создана интересная и весьма многообразная литература; это можно констатировать даже по тем произведениям, которые дошли до нашего времени. Эта литература рассказывает нам об истории Руси — о возникновении государства, о ее властителях, князьях, о борьбе с иноземными захватчиками, о победах и поражениях русского оружия, о становлении на Руси христианства, о монастырях, праведниках, удостоившихся почитания. Она рассказывает нам о духовной жизни

общества, вере и религиозных спорах, нравственных нормах, к соблюдению которых она призывала, и пороках, которые она обличала. Литература раскрывает перед нами круг знаний древнерусских людей о своей земле, о ее природе, об окружающем мире.

В середине и второй половине XIII в. летописание, впрочем, как и другие виды литературы и искусства, испытывает временный упадок. Правда, в это время появляются сказания, а затем повести о начале татаро-монгольского ига. Некоторые из них сохранились в составе летописей, например в Рязанском летописании. Но уже к началу XIV в. новая ситуация начинает интеллектуально и художественно осмысливаться.

К этому времени в исторические представления русского человека вносятся коррективы, принципиально не изменяющие общие историософские представления, но уточняющие его в некоторых существенных моментах. Неизменным остается провиденциалистское понимание действительности. Вместе с тем народом был накоплен исторический опыт. Проявления русского самосознания выходили из-под влияния византийской традиции, которая оставалась интеллектуальным стержнем представлений о реальности, но все в большей степени отражали конкретную ситуацию на Руси.

Новое в русской историософии было связано прежде всего с именем Сергия Радонежского, который трудился над решением задачи преодоления « розни мира сего ». Сергей создал общерусский культ Троицы, придав особый смысл празднику Пятидесятницы. Это был величайший сдвиг в сознании русского человека, который далеко выходил за рамки чисто богословских задач. Многие отечественные мыслители отмечали, резюмировал уже в близкое к нашему времени П. А. Флоренский, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон. « Я говорю о Троичном дне как литургическом творчестве именно русской культуры, — подчеркивал П. А. Флоренский, — и даже, определеннее, — творчестве преподобного Сергия ». « Установление культа Троицы в его новом, онтологическом значении, — продолжает мысль о. Павла В. А. Плугин, — явилось тем первоначальным толчком, который дал жизнь мощному духовному движению, вынесшему на своем гребне и “ Троицу ” Рублева »¹.

Значение деятельности Сергия усматривается также и в том, что он создал, а затем утвердил и распространил новый культ в основном неканоническими (в узком смысле слова, т. е. небогослужебными) средствами, а это имело важные последствия для его будущих судеб. Вообще в изучении сознания, исторических

¹ Плугин В. А. Мастер « Святой Троицы ». Труды и дни Андрея Рублева. — М., 2001. — С. 180.

представлений русского средневекового человека важная роль принадлежит гомилетике, т. е. проповедям, беседам, поучениям, раскрывавшим сущность догмата и отражавшего его культа. Значение подобных проповедей и поучений, не дошедших до нас, должно быть чрезвычайно велико.

Личное понимание и переживание Троицы Сергием заставили его уйти из мира, сменить боярское платье на рясу инок и в одном из медвежьих углов московской земли начать строить новый мир, новую жизнь-подвиг и призвать к подвигу Русь. Праздник Троицы создавался и утверждался в сознании людей прежде всего словом Сергия, подхваченным Епифанием и услышанным Андреем Рублевым. И тогда оно, это слово, обязательно звучит где-то в таинственной душе его иконы. «Культ Троицы зримо, материально врастал в русскую жизнь»¹.

Здесь следует обратить внимание прежде всего на цельность мировоззрения средневекового человека. Для него различные проявления земной жизни общества и каждого конкретного человека есть результат деятельности единой высшей силы, познать которую во всех ее проявлениях «ограниченному человеческому разуму» не под силу.

В связи с этим религиозность для человека Средневековья не была лишь внешней формой мышления. Религиозные воззрения были сущностью его сознания, они пронизывали всю жизнь и мировоззрение и обуславливали все представления, включая и представления исторические.

Но это же заставляло человека пытаться рассматривать все явления в комплексе, ибо они, по его представлениям, имеют общую, единую природу и движущую силу. И эти исторические представления человек получал из различных источников. Это были летописи, хронографы, исторические сочинения; однако в не меньшей мере, особенно для обычного, рядового человека, это были явления и предметы внешнего мира, с которыми он сталкивался в повседневной жизни: иконы (клейма, в частности, представляли собой своеобразные, говоря современным языком, «комиксы», знакомившие молящихся с фактами и событиями всемирной и отечественной истории), росписи храмов, утварь, церковная и предназначенная для домашнего обихода, предания, проповеди священников и т. д. Все это питало исторические представления наших далеких предков.

Конечно, историография в современном ее понимании не может заниматься изучением всех этих источников и трактовок в них исторических событий, однако историограф всегда должен помнить и иметь в виду факт их существования и роль в жизни общества. Иначе возможны модернизация в понимании прошлого,

¹ *Плугин В. А.* Мастер «Святой Троицы»... — С. 180—181.

погрешности в оценке сущности сознания человека Средневековья и характера понимания им прошлого.

В то же время следует избегать и противоположной опасности, а именно: нельзя упрощать внутренний, духовный мир человека Средневековья и, как это было до недавнего времени, ставить знак равенства между его религиозностью и якобы «элементарностью» сознания, плоскостностью восприятия действительности. Думается, что абсолютно прав был В.А. Плугин, когда говорил о том, что Троичное учение Сергия представляло собой программу национального и социального возрождения Руси. Сергей смог сыграть столь исключительную роль в жизни и судьбах своей страны благодаря специфическим особенностям «культурного лица» эпохи, направленности ее духовного развития, общей для Руси с другими странами византийско-славянского мира и сопряженной с резко возросшим идеологическим влиянием церкви на общество, иначе говоря, сумме духовно-культурных факторов, квалифицируемых рядом ученых как «восточноевропейское предвозрождение», которое, может быть, правильнее объединять термином «православное возрождение» (или «церковное возрождение»), имея в виду движущую силу процесса, или «средневековое возрождение», исходя из сущности явления¹.

В силу ряда исторических обстоятельств русское православие играло в истории страны гораздо более серьезную и положительную роль, далеко выходящую за рамки богословских проблем, нежели христианство в большинстве западных государств, где в ходе крестовых походов, многочисленных и ожесточенных религиозных войн государственному строительству и общественному развитию в это же и более позднее время был нанесен колоссальный материальный и моральный урон.

Тема единства русских людей в условиях борьбы с внешним врагом рождает значительную историографическую традицию. Возникают интересные литературные произведения, например «Повесть о разорении Рязани Батыем», в которой прославляется мужество русских воинов. В период объединения русских земель вокруг Москвы в XIV—XV вв. типичными историческими произведениями становятся так называемые воинские повести, основной тематикой которых является борьба русского народа с монголо-татарами. Среди них особо выделяется «Задонщина».

Используя в качестве образца «Слово о полку Игореве», автор рассматривает Куликовскую битву на фоне вековой борьбы Руси за освобождение от монголо-татарского ига. Сама битва воспринимается автором как общерусское дело.

¹ *Плугин В.А.* Сергий Радонежский — Дмитрий Донской — Андрей Рублев // История СССР. — 1989. — № 4. — С. 74, 76.